

УДК 94 (571.1)

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Токмурзаев Б.С.

ФБГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск. Набережная Тухачевского, 14), e-mail: proffchurkin@yandex.ru

---

В работе выявлены основные факторы, условия и этапы земледельческого освоения степных территорий Западной Сибири, с учётом имперской политической рефлексии задач, связанных с колонизацией восточных окраин страны. Уже на старте XIX столетия Степной край (киргизские степи) оценивался имперскими структурами как важный в геополитическом и социально-экономическом отношении регион. Реализация данного интереса находила выражение во властном и общественном дискурсе, а также практических шагах по распространению оседлости в среде кочевого казахского населения. В продолжение первой половины XIX века степные пространства рассматривались только в качестве резерва для осуществления будущих аграрных преобразований. Однако рост переселенческого движения в центре страны, сопряжённый с необходимостью «умиротворения» степных кочевников, способствовал постепенному аграрному переселению в земледельческие местности степной полосы, а также распространению хлебопашества среди кочевников. Со строительством Транссибирской магистрали и учреждением Степного генерал-губернаторства возникли объективные предпосылки для окончательного включения аграрных районов Степного края в общеимперский политический конструкт.

Ключевые слова: переселенческое движение, переселенческая политика, аграрная колонизация, имперская ситуация.

AGRICULTURAL COLONIZATION OF THE STEPPE REGION OF WESTERN SIBERIA: THE RESETTLEMENT MOVEMENT AND PUBLIC POLICY (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Tokmurzayev B.S.

"Omsk State Pedagogical University", Omsk, Russia (644099, Omsk. Tukhachevsky Embankment, 14), e-mail: nat.proff.om@yandex.ru

---

Determined the main factors, conditions and stages of agricultural development steppe of Western Siberia, with regard to the Imperial political reflection tasks associated with the colonization of the Eastern outskirts of the country. Already at the start of the nineteenth century, the Steppe region (Kyrgyz steppe), were evaluated Imperial structures as important in geopolitical and socio-economic region. The implementation of this interest has found expression in government and public discourse, and practical steps for distribution of settlement in the environment of nomadic Kazakh population. In continuation of the first half of the nineteenth century, the steppe space was considered only as a reserve for future implementation of agrarian transformations. However, the growth of the migration movement in the center of the country, coupled with the need to "appeasement" of the steppe nomads, contributed to the gradual agricultural resettlement in agricultural areas of the steppe zone, and the spread of farming among the nomads. With the construction of The TRANS-Siberian railway and the establishment of the Steppe Governor-generalship, have the objective prerequisites for final inclusion of the agricultural areas of the Steppe region in General political construct.

Keywords: migration movement, resettlement policy, agricultural colonization, Imperial situation.

В российском имперском дискурсе проблема колонизации южных степных областей Западной Сибири приобрела выраженную актуальность в начале XIX века. Именно в этот период Степной край, как географическое и геополитическое пространство, начинает рассматриваться представителями власти и общества в качестве важного связующего элемента между Россией и Востоком, объекта столкновения экономических и политических

интересов различных государств. В этой связи целью статьи будет выявление факторов и условий материализация государственного интереса к слабоосвоенным в земледельческом отношении территориям, что находило проявление в программах и проектной деятельности правительства, направленной на постепенную интеграцию степных пространств в имперский конструкт.

В начале XIX века стартует постепенное распространение пределов русских владений вглубь киргизских степей, сопровождаемое, во-первых, попытками ассимиляции автохтонного населения с русским казачеством, а во-вторых – мерами по увеличению численного состава Сибирского казачьего войска, рассматриваемого властями в качестве базиса гражданственности в границах степных районов. В интересах сближения кочевых инородцев с русским населением, в 1808–1809 гг. администрация Сибирского казачьего войска предпринимала усилия по привлечению «заречных» киргизов в пределы казачьих линий с целью дальнейшей интеграции в казачье сословие [4]. Применительно к первой четверти XIX века окончательные параметры правительственной политики в отношении южной степной полосы Западной Сибири были зафиксированы «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. Согласно Уставу, вся степь, вошедшая в состав образованной Омской области, делилась на внутренние и внешние округа. Первые охватили собой посёлки казаков и крестьян, расположенные в северной части казахской степи. Образование вторых определялось поступательным движением казачьих отрядов вглубь степной территории. Основные положения Устава предметно фиксировали имперские амбиции, представления и далеко идущие геополитические планы России в связи с колонизацией региона. Это выразилось в ослаблении родового начала и ограничению власти ханов, что повлекло за собой потребность в выдвигании русских административных пунктов по управлению краем вглубь казахских степей, где последовательно был поставлен ряд русских крепостей и станиц: Кокчетав и Каркаралы (1824 г.), Аягуз (1831 г.), Акмолы (1832 г.) и др. [7].

Реакцией на усиление власти Российской империи в границах киргизских степей стало ожесточённое и продолжительное противоборство наиболее влиятельных казахских родов, длившееся фактически до второй половины 1840-х гг. Только к концу 1840-х гг. российскими властями была разработана и апробирована модель, направленная на преодоление сопротивления и сопутствующая закреплению русской оседлости в означенной части Степного края. В 1848 г. последовало Высочайшее повеление о водворении на землях казахских степей 3 600 крестьянских семей из малоземельных внутренних губерний, к которым в границах Кокчетавского уезда присоединились семьи малороссийских казаков. Характерной особенностью в реализации колонизационных планов правительства стало ярко

выраженное военное начало, что проявлялось в практике перевода крестьян-переселенцев в казачье сословие.

Новый этап колонизации степной территории оказался связан с положением II Сибирского комитета от 1857 г., согласно с которым 300 крестьянским семьям из различных местностей Западной Сибири было предложено расселиться в Заилийском и Семиреченском крае, вошедшим в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1854 г. Однако переселенческая практика в рамках означенной меры не принесла ожидаемых результатов и в общей сложности привела к переселению не более 50 семей [5].

Тем не менее 1830-1850 гг. XIX столетия оказались необыкновенно продуктивны с точки зрения подготовки последующих периодов колонизационной работы и формирования основ и принципов переселенческой политики правительства.

В этой связи необходимо отметить, что наиболее привлекательными в земледельческом отношении, с точки зрения высшей сибирской бюрократии, признавались территории Акмолинской и Семипалатинской областей. В значительной мере возросший интерес к этим пространствам объективно был подготовлен переносом административного центра Западной Сибири к границам южных степных областей – в г. Омск (1839 г.) и основанием здесь генерал-губернаторской резиденции, а также продвижением границ русских владений вглубь степной территории в направлении Заилийского края.

В результате продолжительной во времени властной рефлексии в середине 1870-х гг. западно-сибирский генерал-губернатор Н.Г. Казнаков выступил с инициативой о привлечении в казахские степи русских крестьян. Данная идея была продекларирована правительственным чиновником во всеподданнейшем докладе 1875 г.: «Что касается хлебопашества в киргизской степи, то мне кажется желательным было бы усилить его настолько, что бы оно соответствовало, по меньшей мере, местной потребности киргизов в хлебе. Иначе они должны будут постоянно покупать его вне пределов обитаемых ими областей и оставаться в зависимости от урожаев в соседних губерниях. Кроме того, распространение хлебопашества между киргизами побудит их сократить свои отдаленные перекочевки, что значительно облегчит управление ими, крепкие к земле, они дорожили бы своим полевым хозяйством и не пытались бы удаляться со своими стадами за пределами обитаемых ими областей, если бы, по примеру прежних лет, между ними возникли какие-либо волнения, которые, тем скорее, могли быть усмирены...» [1]. Н.Г. Казнаков довольно резко констатировал, что «казаки, поселённые ещё в XVIII столетии по так называемой Горькой линии, не только не принесли пользу делу обрусения края, но сами научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые безвредные обычаи и привычки кочевого народа» [1]. Патерналистские идеалы Н.Г. Казнакова, наиболее рельефно

характеризующие «имперскую ситуацию» проявились в следующем его высказывании: «Осторожное, без стеснения кочевого население, водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляет единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [8].

Идеи Н.Г. Казнакова оказались созвучны мнениям как местной, региональной, так и центральной власти. Военный губернатор Акмолинской области, генерал-майор Цытович отмечал, что «...в последнее время один из самых важных вопросов – вопрос об образовании в киргизской степи оседлых поселений. Вопрос этот, вызванный жизнью кочевого населения, в настоящее время является вопросом жизненным. В виду многих заявлений... вопрос об образовании оседлых поселений требует скорейшего разрешения, в противном случае грозит вредно отозваться на благосостояние края...» [3]. Чиновный дискурс, в конечном счёте, воплотился в решение образовать на землях казахов, в максимальной близости к почтовым и коммерческим трактам, русские поселения. В том же 1875 г. при Главном управлении Западной Сибири была учреждена комиссия для выработки положения о колонизации степи. Подготовительные работы продолжались порядка четырёх лет, и с 1879 г. стали возникать, по преимуществу в Кокчетавском уезде, русские посёлки, в которых устраивались переселенцы, уже обосновавшиеся в степи. Засельщикам предоставлялся широкий спектр льгот и привилегий, как то: право выбора участка, освобождение от платежей и повинностей, кроме воинской, на 10 лет, получение безвозвратного пособия на строительство в размере 20 рублей, а также 20 рублей на приобретение скота и сельскохозяйственных орудий. Параллельно с предоставлением льгот переселенцам из российских губерний, власти провозгласили в качестве первоочередной задачу распространения хлебопашества среди коренного населения степи. Так, в конце 1875 и в первой половине 1876 гг. при уездных Управлениях были устроены мужские и женские интернаты для казахского населения с целью распространения знаний об организации сельского хозяйства, путём создания сельскохозяйственных ферм, на которых «киргизские мальчики обучались бы хлебопашеству, огородничеству и разведению лесов» [2].

Однако все усилия правительства в этот период, ориентированные в сторону аграрной колонизации степи, успехом не увенчались. По констатации исследователей, на большинстве участков, отведённых переселенцам, почва оказалась крайне неудовлетворительного качества; леса и лугов было нарезано в недостаточном количестве; ряд участков не имел питьевой воды. В результате, целые семьи переселенцев вынужденно уходили на прииски и заводы в соседние уезды на заработки, а некоторые покидали участки, пополняя ряды обратных мигрантов. Одним из главных негативных факторов, сопутствовавших аграрным

миграциям в район Акмолинской и Семипалатинской областей, явился рост самовольных переселений, инициированных слухами о предоставлении мигрантам широкого спектра льгот. В результате включения в переселенческий процесс нелегитимных участников, общий масштаб движения постоянно возрастал: с 1 800 душ в 1879 г. до 12 000 в 1890 г. Рост переселенческой активности, в свою очередь, способствовал активизации поземельных конфликтов между русскими переселенцами, казахами и казачьим старожилым сегментом: «переселенцы буквально наводнили все казачьи поселения, блуждая из посёлка в посёлок и тщетно ища пристанища» [9]. Прибывшая в 1883 г. на земли Семипалатинской области партия самовольных переселенцев из Томской губернии встретила настолько ожесточённое сопротивление со стороны местных кочевников, что заставило местные власти предпринимать меры по выселению мигрантов [6].

Несмотря на объективные трудности переселенческого дела, постоянно растущий поток мигрантов, направлявшихся в районы Акмолинской и Семипалатинской областей, способствовал превращению этого региона в эпицентр сибирского переселенческого движения. В известной степени, укреплению данного статуса де-факто способствовало учреждение Степного генерал-губернаторства со столицей в г. Омске, а также начало возведения Транссибирской магистрали. Концентрация в земледельческих местностях Степного края административных учреждений и региональной бюрократии способствовала выработке мер по точечной организации переселенческого дела. Кроме того, со строительством железнодорожного пути, уже в 1891 г. в Акмолинскую и Семипалатинскую области прибыла часть западно-сибирского переселенческого отряда, которая отвела для 11 000 душ, переселившихся в Акмолинскую область, 250 000 десятин земли, и под четыре участка в Семипалатинской области 33 000 десятин земельных угодий. В начале XX в. в одной только Акмолинской области возникло 754 села с числом жителей 629 473 душ.

Таким образом, можно констатировать, что заселение и земледельческое освоение Степного края в продолжении XIX – начала XX в. находилось в различной степени зависимости от государственных усилий. Процесс колонизации региона сопровождался постепенным формированием основ и принципов переселенческой политики, основанных на понимании властями имперской ситуации и учёта текущих возможностей.

Соглашаясь с мнением исследователя Н.Н. Сороки [10], отметим, что до 1890-х гг. казахская степь выступала в основном в качестве резерва для осуществления будущих аграрных преобразований. Общая направленность деятельности местных органов государственной власти ввиду отсутствия общего переселенческого плана сводилась к вопросам поземельного устройства мигрантов, разрешения земельных конфликтов с

казахским населением, организации изыскательских работ по размежеванию земельных участков.

Продуктивность этого периода заключалась в постепенной выработке, фактических и юридических подходов государства к распоряжению свободными землями и земельными угодьями коренного населения.

Со строительством Транссибирской магистрали и завершением формирования административных учреждений Степного генерал-губернаторства, казахская степь превращается в основной переселенческий район Западной Сибири, что в условиях дальнейшего структурирования переселенческого и аграрного законодательства открывает широкие возможности для миграций и земледельческого освоения степных пространств.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф.3. Оп.8. Д.13334. Л.342 об.
2. ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.232.
3. ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.478.
4. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. – Санкт-Петербург: издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. – С.84.
5. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. – Санкт-Петербург : издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. – С.85.
6. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. – Санкт-Петербург : издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. – С.202.
7. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.: Изд-во Московского университета, 1996. – С.521.
8. Любавский М.К. Указ. соч. – С.525.
9. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. – Санкт-Петербург : издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. – С.203.
10. Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2009. – С.3.

Рецензенты:

Худяков В.Н., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск;

Чуркин М.К., д.и.н., профессор, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск.